

DOI 10.25991/VRHGA.2023.2.2.001

УДК: 168.5, 37.017.922

*И. Б. Микиртумов**

ЛОГИКА И РИТОРИКА КАК МЕТАТРОПЫ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ РАЗГРАНИЧЕНИЙ НАУКИ И «ОБЩЕГО» ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема статьи — роль логического доказательства и риторического обоснования, во-первых, в дифференциации научных дисциплин, во-вторых, в формировании «общего» междисциплинарного образования, которое позволяет понимать и применять научное и ненаучное знание как инструмент достижения общего блага. Предпринимается философский и культурно-исторический анализ, в рамках которого логика и риторика рассматриваются как метатропы, т. е. такие когнитивные средства, которые делают возможным единство, с одной стороны, научного знания и его методов, играющих роль универсальных тропов в разных дисциплинах, и, с другой стороны, «общего» знания, обладать которым должен всякий человек, претендующий на рациональность, и назначение которого — практика в перспективе общего блага. В статье рассматривается связь логического доказательства с наукой, ее методологическими и мировоззренческими основаниями, затрагиваются некоторые примеры из истории науки, в частности античной. Риторическое обоснование рассматривается в связи с «общим» образованием, также зародившемся в античности как цикл семи свободных искусств и наук. Дается анализ его социальных функций и его связи с концепцией общего блага. Среди известных нам знаний за последние два с половиной тысячелетия наименьшие изменения претерпели знания математические и логические, а также риторика, за которой стоит социальное знание в целом. Показано, что дискурс риторики имеет универсальный характер, поскольку отражает само существо человеческого, так что все иные формы культуры вводятся и отвергаются в рамках коммуникации об общем благе и неявной концепции общего блага. Метатроп риторического обоснования задает дискурс такого рода практического философствования, подготовку к которому обеспечивает «общее» междисциплинарное образование.

Ключевые слова: логика, доказательство, риторика, общее образование, научная дисциплина, общее благо.

* Микиртумов Иван Борисович, доктор философских наук, доцент, профессор НИУ «ВШЭ» (Санкт-Петербург), научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ; imikirtumov@hse.ru, imikirtumov@gmail.com

Ivan Mikirtumov
LOGIC AND RHETORIC AS METATROPS
OF DISCIPLINARY DIVISIONS IN SCIENCE AND OF «GENERAL» EDUCATION

The problem of the article is the role of logical proof and rhetorical justification, firstly, in the differentiation of scientific disciplines, and secondly, in the formation of a «general» education that allows understanding and applying scientific and non-scientific knowledge as a tool for achieving the common good. A philosophical and cultural-historical analysis is undertaken, within which logic and rhetoric are considered as metatropes, i. e. such cognitive means that make possible the unity, on the one hand, of scientific knowledge and its methods, playing the role of universal tropes in different disciplines, and, on the other hand, «general» knowledge, which every person who claims to be rational and whose purpose is practice in the perspective of the common good must possess. The article discusses the connection of logical proof with science, its methodological and philosophical foundations, touches upon some examples from the history of science, in particular, ancient history. Rhetorical justification is considered in connection with «general» education, which also originated in antiquity as a cycle of seven liberal arts and sciences. An analysis is given of its social functions and its connection with the concept of the common good. Among the knowledge known to us over the past two and a half millennia, mathematical and logical knowledge, as well as rhetoric, which stands for social knowledge as a whole, have undergone the least changes. It is shown that the discourse of rhetoric has a universal character, since it reflects the very essence of the human, so that all other forms of culture are introduced and rejected within the framework of communication about the common good and the implicit concept of the common good. The metatrophe of rhetorical justification sets the discourse of this kind of practical philosophizing, preparation for which is provided by a «general» interdisciplinary education.

Keywords: logic, proof, rhetoric, general education, scientific discipline, common good.

Аристотель начинает работу «О частях животных» словами о том, что исследование (θεωρίαν τε καὶ μέθοδον) любого предмета можно вести либо «научным знанием» (ἐπιστήμη), либо используя «известного рода образованность» (παιδεία) [4, с. 33]. Далее Аристотель перечисляет, для чего именно в исследованиях по «естественной истории» (φύσιν ἱστορίας) нужна общая образованность. Она позволяет (1) судить о том, правильно или неправильно ведется рассуждение; (2) дифференцировать общее и частное, род, вид и отличительный признак; (3) выбирать направление исследования — от явлений к причинам, или же от причин к явлениям; (4) различать виды причин и их иерархические отношения; (5) иметь представление о специфике доказательства и причинных отношений в разных науках; (6) различать возникновение предмета и качеств, раскрывающих его сущность; (7) определять отношение части и целого; (8) знать отличие внешней формы от сущности; (9) уметь применять аналогию и абстракцию; (10) владеть методом классификации; (11) уметь давать определения и, наконец, (12) владеть понятиями цели, необходимости и случайности [1, с. 33–42]. Согласно Аристотелю, все названное принадлежит методу, который свойствен научному знанию, и легко заметить, что здесь перечислены приемы, навыки и категории того, что сегодня мы относим к логике, способам аргументации и инструментам критического мышления, которые одинаково применимы во всех науках и за их пределами [2].

Как известно, в античности овладение перечисленными интеллектуальными навыками составляло задачу общего образования [1]*. Самый богатый и успешный опыт взаимодействия с вещами и явлениями, имея природу практическую и житейскую, не дает понимания их сущности и не ведет к раскрытию их причин. Сам по себе этот опыт очерчивает область практики, в которой человек, не владеющий научным знанием, использует к своему благу то, что имеется в его распоряжении. Практика и познание представляют собой сущностно различные формы деятельности. Первая охватывает социально-политическое бытование человека, в то время как в теоретической науке ведется работа умозрительная, хотя и разнообразно соотношенная с опытом. Возникшее в Древней Греции научное знание представляет собой уникальное явление — с этим согласны и историки, и философы, указывающие, во-первых, на то, что философия и наука имеют общие причины и условия возникновения [12], во-вторых, на то, что ими определяется сущность европейской цивилизации (см., например: [9]). На протяжении веков научное знание культивировалось, однако, всегда очень малым числом часто маргинальных интеллектуалов, и лишь в XX веке оно получает ту роль и приобретает тот авторитет, которые мы признаем сегодня. Традиция, тем не менее, не прерывалась, как мне кажется, прежде всего благодаря светскому по форме и содержанию, а также элитарному по своему социальному назначению общему образованию, основанному на цикле семи свободных искусств и наук (далее — «Семь»). Ему удалось связать античный мир с миром христианским, пройти сквозь самые разные исторические трансформации и в сильно измененной форме воплотиться в европейской системе образования XIX и XX веков, в которой всякая специализация соседствует с представлением об общем благе как достижимой посредством приложения разума и доброй воли цели общественного бытия людей. Элементы общего образования, присутствуя во всяком специальном, придают ему известные междисциплинарность и методологический плюрализм, не означающие поверхностной многоаспектности, но позволяющие видеть всякую дисциплину в контексте человеческого знания и практики в целом.

Если общее образование и сообщаемые им интеллектуальные навыки действительно фундируют европейскую научную традицию, то уместно спросить, какие его компоненты обеспечивают универсализм, возможность органичного расширения, приращения новыми частными дисциплинами, причем независимо от социокультурного контекста, так что образ науки в целом может сильно меняться от эпохи к эпохе при сохранении, однако, ее идентифицирующей специфики? Ниже я постараюсь показать, во-первых, что такими компонентами являются коммуникативные практики логического доказательства и риторического обоснования, играющие роль своего рода *метатропов*, определяющих, начиная с античности, способы дифференциации и синтеза дисциплин. Во-вторых, я рассмотрю общий, или междисциплинарный, характер знания как ту важную черту образования, которая поддерживает его связь с практической философией, с тем чтобы продемонстрировать роль

* Данные о его возникновении и истории в Античности и раннем Средневековье я ниже воспроизвожу, основываясь на этой работе.

классической риторики как генератора ее дискурса. При этом я буду опираться на любопытный и остававшийся, кажется, прежде мало замеченным факт: риторика по своему существу, по сфере своего применения и по своим функциям со времен античности почти не изменилась. Это обстоятельство интересно прежде всего потому, что в рамках романтической системы ценностей, лежащей в основании современной европейской культуры, риторику принято считать инструментом порождения ложного сознания, противопоставляя ее аподиктическому логическому доказательству. Это создает известное напряжение между общим образованием и образованием, ориентированным на любую из научных дисциплин.

Формальная онтология доказательства и дифференциация научного знания

Первая дифференциация знания произошла при зарождении науки, и ее основанием были границы удачных переносов и экстраполяций, в результате которых возникала теория, в центре которой находилась чувственно постижимая модель невидимых причин видимых явлений. Там, где один такой перенос приводит к приемлемому результату в отношении многих явлений, мы фиксируем их как однородные; там же, где это не так и где срывает другая модель, возникает основание для дифференциации. Объясняя видимое движение небесных тел, авторы первых теорий неба, во-первых, указывали на ту или иную совершенную геометрическую форму, которая этим телам должна быть присуща по природе, — будь то сфера или цилиндр, на круговой характер движения и постоянство скорости как признаки совершенства, и, во-вторых, описывали это движение, масштабируя движения предметов, которыми люди оперируют в повседневности. Небесные тела оказывались прикрепленными то к сфере, то к ободу, то к гончарному кругу и совершали свои перемещения вместе с ними. Первый философ и первый ученый Фалес считал, что Луна светит отраженным светом, и предложил разделяемое нами сегодня объяснение затмений, перенося на небесные тела те отношения между источником света, отражением и тенью, которые имеют место для привычных нам земных тел [17]. Отличие такого рода теоретического знания от знания частного и прикладного состоит в том, что теоретические модели до конца не проверяемы, всегда остаются лишь вероятными, но зато в их построении нет иных ограничений, кроме требований не противоречить опыту, минимизировать число привлекаемых предположений, а также охватывать как можно большее число явлений [18, с. 60–62].

Построение теорий неба и теорий математических стало, видимо, отправной точкой для применения теоретического метода в иных областях знания. Наиболее ярко он показал себя в медицине, где возникает теория гуморальной патологии. Явления болезни и здоровья, нормальной и патологической физиологии очень разнообразны, но едва ли отчетливы, свойства и отношения органов и жидкостей сложны и непостоянны, тем не менее эта теория оставалась актуальной до конца XVIII века, а основанная на ней врачебная практика признавалась успешной. Общность теоретического подхода и единая структура отношений элементов знания, а не изучаемого предмета демонстрируют здесь

однородность дисциплин, различие которых связано только с различием круга исследуемых явлений и применяемых методов.

Перенос способа рассуждения из научной теории в философскую терпит неудачу. В последней ценностное суждение и субъективная очевидность имеют больше веса, нежели разделяемые другими теоретические аргументы. Философская теория редко становится предметом общего знания и обычно остается достоянием школы, т. е. сообщества, использующего общий способ распознавания очевидного, тогда как теория научная, например все та же древняя теория неба, становится знанием, принимаемым поверх границ школ, т. е. в рамках дифференциации знания на научное и ненаучное. Как известно, для Платона и Аристотеля, а также для других всегда многочисленных носителей научного мышления сферичность и обращение небесных тел, природа затмений и возвратного движения планет были очевидны, поскольку они разделяли соответствующие теории, чего нельзя было сказать о подавляющем большинстве их современников, не испытывавших потребности в теоретическом знании о небесных явлениях, зато активно участвовавших в обсуждении как практических, так и теоретических вопросов политики, права и морали, т. е. имевших что сказать в философской дискуссии.

Таким образом, результатом первой дифференциации знания стали философия, теоретическая наука и прикладное частное знание. В понятии искусства, или *τεχνή*, второе и третье пересекаются, ибо все, что относится к этой сфере, предполагает знание общих принципов в сочетании с опытностью в приложении их к частным случаям, требующей известных общих интеллектуальных умений [24]. К сфере же чисто теоретической принадлежат арифметика и геометрия, дающие знание аподиктически истинное и открываемое в демонстративном доказательстве. Сама его возможность и неизменная сила его убедительности привели сначала Пифагора, а затем и Платона к предположению о его высших онтологических основаниях, т. е. о том, что само устройство мира делает математические положения безусловно истинными и непровержимо доказуемыми. набросок такой онтологии дан в «Тимее». С другой стороны, убедительность доказательств для разума свидетельствует о том, что последний по своей природе соотносен с наиболее общими свойствами мира и распознает их прежде всего в себе. Платон представил в этой связи теорию знания как припоминания в «Меноне». Все названное придало арифметике и геометрии статус канона научного познания на две с половиной тысячи лет, хотя вне посылки об онтологическом приоритете числа и фигуры само математическое знание носит характер пропедевтики.

К описанной дифференциации знания следует приглядеться пристальнее. Чтобы она могла иметь место, переносы объясняющих схем и способов рассуждения из области в область в одних случаях должны узнаваться как удачные, в других же — как провальные. Что стоит за сравнением, что делает его возможным? В какой дисциплине мы ведем рассуждение о том, что научная и философская теории различны в том или ином отношении и можно ли считать пространство такого рассуждения дисциплиной? Рассуждение ведется в некоторой метапозиции по отношению к самому философскому знанию. Достигается она выходом на уровень анализа языка, исследования отношения

обозначения и построения формальной онтологии, т. е. такой, которая шла бы скорее за языковыми различиями, нежели за метафизическими или практическими типизациями вещей. Здесь философская рефлексия обращается к общей структуре знания, которая позволяет увидеть условия удачи или неудачи переноса исследовательского метода, а значит, и все поле знания целиком. В самом деле, создание объясняющей модели на основе метафоры не говорит ничего о том, почему два явления — объясняемое и источник переноса — попадают в парадигматический ряд. За это ответственна предполагаемая формальная онтология и принятые способы обоснования теоретических положений. Значение первой велико, поскольку именно здесь происходит «префигурирование» познания вообще, т. е. воспроизводство его формальной структуры как набора элементов, свойств и отношений различных типов. Первую полную версию формальной онтологии мы находим в «Категориях» Аристотеля, где суммируются три системы порядка — метафизическая, грамматическая и логическая. В центре первой находится отделение сущности от привходящего, т. е. носителей свойств и отношений от самих свойств и отношений, следствием которого становится иерархия бытия, в которой первое место занимают материальные тела — «первые сущности» [3, с. 56]. Вторая отражает фиксируемое языком многообразие форм привходящего [7], за разнообразием которых стоит историческое развитие языка. Третья имеет своей целью построить порядок познания, воспроизводящий порядок бытия, чтобы аподиктическая истина соотносилась со всегда сущим, а верное умозаключение описывало необходимые связи явлений.

Формальная онтология «Категорий» обеспечивает возможность различения научного и ненаучного дискурсов, поскольку задает рамки теории техниками доказывания и обоснования, хотя научность знания этим и не гарантируется. Дискурс просто префигурирует характер всякого возможного знания, играя роль своего рода «метатропа», позволяющего уместно применять, а потом декодировать находящиеся в его подчинении тропы [21, р. 78]. Если троп есть фигура речи, обладающая когнитивной новизной и значимостью, то *метатроп* представляет собой элемент коммуникативной и когнитивной практики, делающей возможным применение к своему содержанию одних тропов и невозможным — других. Метатроп можно считать результатом усмотрения реальности в диспозитиве [20], так что, например, экономический, этнографический и художественный диспозитивы, в которых происходит концептуализация предмета или явления и возникают практики обращения с ним, открываются его историческое прошлое и будущее, порождают различные метатропы, каждый из которых предполагает специфическую онтологию. Отношения между онтологией, диспозитивом и метатропом можно описать так: онтология фиксирует номенклатуры сущностей, их свойств и отношений, диспозитив наполняет их содержанием, метатроп реализует и то, и другое как элемент дискурса. В языке мы застаем уже работающие метатропы и для их интерпретации вынуждены анализировать стоящие за ним отношения вещей и их онтологическую определенность. Такую работу проделывает в «Категориях» сам Аристотель, имея в качестве метатропа практику вынесения суждений, оценивания их истинностного значения и тематизацию онтологического статуса референтов выражений языка.

Формальные онтологии, стоящие за доказательством и обоснованием, задают дискурс с помощью набора правил, впервые сведенных Аристотелем в логических трактатах, а также в «Топике» и «Риторике». Слова Аристотеля, с которых я начал эту статью, содержат для этого критерии необходимые, хотя и не достаточные. К ним следует добавить, во-первых, порядок знакомства с явлением и, возможно, практику взаимодействия с ним или по поводу него; во-вторых, метод поиска причин явления путем приравнивания к нему тех или иных теоретических моделей; в-третьих, способы проверки полученного знания, в том числе логические, т. е. использующие силлогистическое и иное доказательство как тест на достоверность познания. У Аристотеля мы можем найти все названные моменты, но не находим экспериментального метода, ограниченно применявшегося [11], но не тематизированного в античности. Как можно уяснить из «Второй аналитики», в центре его внимания скорее вопросы существования исследуемых предметов [2, с. 315] и поиск причин явления [там же, с. 328–330], в частности действующих, образующих в силлогизме меньшую посылку и, как правило, не очевидных. Творческий, или искусный, характер отыскания действующей причины Аристотель раскрывает, говоря о нужной для этого сообразительности [там же, с. 314]. Здесь следует заметить, что сочетание логических и специальных исследовательских методов с искусностью исчерпывающим образом определяет научную и учебную дисциплину [31, р. 13]. Внешние ее черты образованы социальным контекстом, оценкой роли конкретного знания в науке и практике, значимостью его носителей в академическом сообществе и порядком определения их места в социальной иерархии, формой оценки и циркуляции научных данных, актуальным статусом в общественной и научной дискуссии [8, с. 127 сл.]. Признание систематической и локализованной по своему предмету познавательной работы научной дисциплиной означает признание всех указанных внутренних и внешних черт. Метатроп дискурсивных практик доказательства и обоснования задает здесь стандарт легитимации знания внутри науки и одновременно легитимации самой науки [14, с. 82].

Успешное внедрение практики доказательства и обоснования в той или иной области знания является необходимым условием для признания ее дисциплиной, а неудача может ее полностью разрушить. Я здесь оставляю в стороне содержание дисциплин, а также особенности знаний, которые выработывались как ответ на специфические познавательные интересы. В разные эпохи, в разных местах и в разных социальных средах их источниками, помимо традиции, становились религиозные учения и практики, мифология, магия, астрология, искусство. Здесь, конечно, за редчайшими исключениями, нигде нельзя говорить об исследовательской работе в современном понимании. То или иное знание создавалось в системе критериев, зависящих от конкретного контекста, что не мешало его сосуществованию с другим знанием, отнесенным к своему собственному контексту. Так, например, Ньютон стоит в центре научной революции Нового времени, но ему принадлежат не только труды, оцениваемые нами как научные, но и сочинения по богословию и алхимии [10]. В этом не было синкретизма, и только современный взгляд усматривает разнородное в том, что для Ньютона и многих его современников

относилось к науке. Число подобных примеров можно множить, и в каждом из них мы находим метатроп доказательства и обоснования. Наука обретает институциональный характер лишь в XVII веке, прежде всего благодаря заказам государств, вступивших в соперничество за военное господство на море и колониальное освоение мира [22, р. 56–58]. Вслед за ресурсами от правительств пришли и требованиями результативности, и наука начинает приобретать знакомые нам черты: научная периодика, международный характер обмена данными наряду с их засекречиванием, критика и рецензирование, научные общества и академии, ранги и статусы, признание их государствами. Но до конца XIX века остается неизменным важное обстоятельство: научное знание создается и транслируется ничтожно малым числом людей, занимающих в той или иной степени маргинальное положение в обществе. При этом их идентификация и их связи необычайно интенсивны, поддерживаемая ими традиция очень прочна и избирательна. То обстоятельство, что эта традиция видится нам сегодня стержнем развития европейской цивилизации, объясняется только социально-политическим успехом науки. Его причина в том, что, как нам кажется, вещи дают положительный ответ на добытые знания о них, выражающийся в том, что это знание конвертируется в разнообразные блага [13]. Конечно, такое свидетельство не до конца надежно, ибо аналогичный эффект имело всякое признанное знание, например уже упомянутая выше гиппократова медицина, но именно этот эффект создает оптику, в которой мы видим в истории формирование и развитие научных дисциплин во всем их многообразии.

Этот критерий эффективности знания, затрагивающий его дисциплинарную разметку и учитывающий сегодня разнообразные, близкие и отдаленные, влияния как исследовательского процесса, так и полученных знаний, существенно модифицирует всю подразумеваемую онтологию. На месте незаинтересованно усматривающего истину субъекта, прежде абстрактного, а потому отождествляемого с разумом как таковым, возникает социально-политическое образование — общество, мнение которого институционализирует политическая власть, решающая, что, как и почему должно изучаться, а также при каких условиях достигается истина [15, с. 27]. В диспозитиве критики знания наука несет блага и опасности: каких-то вещей нам лучше не знать, а узнав, их следует скрыть, другие же вещи, напротив, заслуживают того, чтобы их знали все; исследование всегда изменяет или разрушает свой предмет, которому нельзя не дать голоса. В контексте современного переосмысления существа человека, человечества, природы, общества и государства научные дисциплины меняют свои сущность и структуру. Предмет, прежде определявший дисциплину, в новой ситуации может оказаться либо совокупностью разнородного, либо частью более масштабного целого, что получит непосредственное проявление в исследовательской практике и ее эпистемологической интерпретации [27, р. 51]. Так, урбанистика появляется при добавлении человеческого измерения в техническую дисциплину о проектировании городов; теория практик замечает осмысленность и нормативную определенность социального действия повторяемостью и машинальной воспроизводимостью усвоенного в ходе наблюдения других паттерна (габитуса); сформировавшаяся в начале XX века

и основанная на интерпретации слов больного и анализе его отношений к миру психиатрия постепенно становится частью нейрофизиологии, а познавательные приемы логики, прежде относившиеся к сфере философии, попадают в поле когнитивистики как частное явление. Однако дисциплинарная разметка как таковая не исчезает и при всех современных трансформациях онтологии, идущих вслед за новыми диспозитивами, а ее дискурсивной реализацией остается метатроп доказательства и обоснования.

Общее образование и практическая философия

Дифференциация и синтез в истории образования идут следом за аналогичными процессами в познавательной деятельности. И первое, и второе присутствуют постоянно, и в их возобновлении логическое доказательство и риторическое обоснование, как я постарался показать выше, играют роль метатропа, задающего наиболее общие инварианты преобразования содержания знания. Уже для Аристотеля общность структур доказательства и обоснования представляет собой главный признак единства знания, а его различие осуществляется по критерию применимости именно доказательства. Там, где оно невозможно или непродуктивно, его заменяет риторическое обоснование, стремящееся быть подобным доказательству хотя бы по случайным признакам. Это подобие имеет эстетическую природу, что подчеркивается уже Аристотелем в «Риторике» [5, с. 138, 140, 142, 143; см. также: 26], так что преподавание любой дисциплины требует одновременного или соединенного с ней преподавания искусств. Метафоры из сферы искусства постоянно используются как модели презентации знания, а дедукция и индукция работают как методы формальные, но при этом поддерживаемые навыками эстетического созерцания. Такой ключевой для образования концепт как целесообразность, лежащий в основании любой теории, представляет собой метафору психической активности, усматриваемую в рефлексии. Иными словами, теоретическая наука, работающая с объясняющими моделями, полученными в результате переноса, предполагающая формальную онтологию, отражающую базовые черты явлений, и порождающая дискурс доказательства и обоснования, становится возможной благодаря способностям к эстетическому созерцанию, рефлексии и коммуникации [16, с. 268 сл.].

Совместное развитие указанных способностей, хотя и не только в целях реализации в науке, является задачей и современного междисциплинарного образования. Его исторический корень — это возникший в античности цикл семи так называемых свободных искусств и наук, дающих образование общее. Как известно, первые три, или *trivium*, включают в себя грамматику, риторику и диалектику (логику), оставшиеся четыре, или *quadrivium*, — арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Первая группа объединяет дисциплины, позволяющие овладеть языком, дискурсом и навыками мышления; вторая открывает путь, с одной стороны, к постижению выраженных числом универсальных законов мира, с другой — к овладению с помощью этого знания собственной душой. Сущность и практика «Семи» опирается на философскую теорию человека [1], не принадлежащую, что важно отметить, той или иной школе, а разделяемую элитой общества и лежащую в той или иной степени

на стыке учений многих школ. В Греции эта «народная» философия уже во времена Сократа ставила перед общим образованием задачу дать свободному человеку — гражданину полиса, реализующему прежде всего свою политическую субъектность, — необходимые для этого знания и умения, причем дать их по возможности всем гражданам, разумеется, в той мере, в которой они по своим личным качествам и социальным условиям были в состоянии их усвоить. Слово «общий» имеет здесь поэтому двойной смысл. Общее образование противопоставлено специальному, когда речь идет о том, какие знания передаются, но противопоставлено оно и частному, когда имеется в виду масштаб его распространения, т. е. получают его все граждане, многие или же немногие. Если при должном функционировании полиса истина и справедливость в политико-правовом обороте оказываются «сильнее своих противоположностей» [5, с. 17], то условием этого оказывается не только формальное равенство граждан, но и обладание всеми гражданами примерно в равной мере общим для всех образованием, позволяющим каждому осознавать свои интересы, соразмерять их с интересами других и с благом города, самостоятельно заявлять инициативы и требования, отстаивать права, участвовать в работе органов управления. Никакие специальные знания, будь то приносящие доход или же полученные в научном исследовании и теоретическом умозрении, в этом помочь не могут. Бытие гражданином требует способности различать благо и зло, добродетель и порок, прекрасное и безобразное, убедительное и неправдоподобное, а также приближающееся к истине или лжи в делах права, политики и морали, разрешение которых должно вести к общему благу, или совместной счастливой жизни.

Философия полиса и гражданина как основание общего образования в античности теряет свое содержание в исторических изменениях общества, но возникшая схема связи образования с социальной жизнью и смыслом существования человека сохраняется. В каждой новой исторической эпохе понятия «полис», «гражданин», «благо», «зло», «справедливость», «счастье», «истина» и пр. сильнее или слабее меняют свое содержание или замещаются другими понятиями. Уже в эпоху эллинизма, а затем в Римской республике и позднее в империи политическая субъектность отходит на второй план и в центре оказывается искусство жить, или набор инструментов заботы о душе, обычно в редакции стоицизма. Здесь «Семь» позволяют соединить теоретические представления о материальном мире с практической деятельностью разума, чтобы в итоге дать человеку возможность выносить этическое суждение как руководство к поступку. Коль скоро назначение всего существующего состоит в том, чтобы жить согласно «природе», т. е. согласно predeterminedенному ходу вещей, а путь к правильному поступку определяет разум, элементы *quadrivium* дают язык, на котором разум может если не «прочитать» в мире правящую им необходимость, то хотя бы обнаружить ее знаки. Со своей стороны, *trivium* обеспечивает связность ведущих к этическому поступку рассуждений и дает возможность проверять свои знания, мнения и доводы в диалогах с другими, не только исправляя свои ошибки, но и давая другим возможность использовать твой интеллектуальный опыт. «Общее» здесь фигурирует не столько как нужная каждому социально-политическая компетентность, состоящая

теперь в том, чтобы быть хорошим подданным, членом общины, хозяином и даже специалистом (врачом, юристом, инженером, чиновником, учителем), но и как инструмент взаимной поддержки людей в достижении личного счастья, понимаемого уже иным образом, нежели жизнь в согласии с полисной добродетелью.

В эпоху Ренессанса меняются одновременно и цель, и функция «Семи». Свободные искусства и науки составляют теперь основание гуманистического образования, в центре которого — науки «гуманитарные»: история и филология. Магический извод Ренессанса придает «Семи» такую же приготовительную роль, помещая в центр герметизм, каббалу и астрологию. Задача гуманистического образования весьма непроста и неоднозначна и состоит не столько в подготовке к гражданско-политической деятельности, поля которой еще нет, а в формировании человека, обладающего совершенствами интеллектуальными, этическими и художественными безотносительно. Такой человек является воплощением идеала, само наличие которого есть очередной шаг в придании подлинного человеческого достоинства — *humanitas*, прежде всего общественно-политического, всем людям, способным его нести, хотя бы и без возможностей его реализовать [6, с. 123–133]. При всей утопичности этого проекта гуманистическое движение в Европе оказало огромное влияние кругом своих идей об отношении человека, общества, бога и мира, и связанной с ними практикой, прежде всего образом жизни гуманистов, их политическими инновациями и новым искусством, в котором гуманистическое и магическое начала Ренессанса часто переплетаются. И научные, и политические революции Нового времени стоят в этом отношении на ренессансных основаниях [19].

Лишь кризис культуры, наступающий после Первой мировой войны, сметает классическое образование, и уже в середине XX века смыслоопределяющим ядром образования становятся социальные науки и их диспозитивы, озвучиваемые на равных правах философами, учеными, журналистами, публицистами, а также так называемыми избранными представителями групп, обществ и всего человечества [25; 29]. Это происходит одновременно с эмансипацией масс, так что наряду со старыми институтами в формировании общественной повестки, в рассмотрении ее вопросов и в принятии решений участвуют теперь «рядовые» люди, их непостоянные объединения, внезапно ставшие популярными активисты. Можно ли назвать их деятельность специализированной или увидеть в ней социальную функцию, не выполняемую более никем другим?

Это показывает, во-первых, актуальность общего и широкого образования, во-вторых, проблематизируют дисциплинарную структуру образования в целом, в которой мы сегодня находим лишь разрозненные элементы того «общего» знания, призванного распознавать и исследовать практические изводы проблем сущности и смысла человека. Его задача тождественна задаче современной практической философии [32, р. 251], которая фактически и становится междисциплинарной реализацией «общей» образованности.

Заключение.

Метатроп обоснования и дискурс риторики

В этой сфере доминирующим методом легитимации знания является не доказательство, а риторическое обоснование, т. е. выдвижение аргументов, в результате которого некоторый тезис или некоторое действие начинают восприниматься слушателями как более правдоподобные или целесообразные. Здесь мы сталкиваемся с неожиданным явлением. Между «Риторикой» Аристотеля и «Новой риторикой» Перельмана и Ольбрехтс-Тытеки [28], а также современной теорией аргументации пролегает временная дистанция в две с половиной тысячи лет. За это время философия, науки и искусства многократно меняли форму и содержание, неизменными же оставались только математика и логика, кумулятивно накапливавшие знания. Неожиданно то, что почти таким же образом ведет себя и риторика. Слово «новая» указывает на историческую преемственность по отношению к «старой», т. е. к античной риторике, а также к риторике Ренессанса и Просвещения. Новизна, впрочем, оказывается весьма незначительной. Античная риторика имела дело в основном с тем же кругом социальных явлений, с которым сталкивается риторика «новая». Ядром риторики античной, в частности аристотелевской, является антропология и политическая философия в их ориентированном на социальную практику сочетании. Аристотель представляет в «Риторике» теорию сущности человека, его счастья, индивидуального и общего блага, добродетелей, пороков, прекрасного и безобразного, рисует богатую картину аффектов и даже некоторых антропологических типов. Вокруг этой теории выстраивается уже искусство находить средства убеждения по месту, времени, говорящему, аудитории и предмету. Аристотель и античная традиция едины в том, что риторика есть средство публичного осуществления рациональности, преимущественно в сферах права, морали и политики, поэтому риторическое умение становится центральным элементом классической системы образования и воспитания. Такую роль риторика играла до завершения эпохи Просвещения, когда уже романтическое движение XIX века объявило ее ложной формой культуры, так что и само слово «риторика» приобрело негативные коннотации. В социальной практике риторика оставалась востребованной как технология работы с аудиторией и как набор навыков, обеспечивающих успех коммуникации, но лишь уже упомянутый выше кризис европейской культуры сделал риторические знания и умения актуальными в их фундаментальном значении способа культивирования и публичного осуществления свободы и рациональности. Со времен Аристотеля содержание понятий о счастье, благе, добродетели, прекрасном, истине менялось обычно за счет смещений и расширений, тогда как их функциональное назначение оставалось неизменным: они входят в систему представлений об общем благе как цели общественной жизни и продолжают обеспечивать социальную коммуникацию в перспективе достижения общего блага. Учение об аффектах и эстетическое измерение риторики изменились еще меньше, так что современный «аффективный поворот» работает прежде всего с наследием Античности и Нового времени [см.: 29]. Риторическое умение (искусство) как метатроп наделяет когнитивным содержанием и ответственностью все иные частные инструменты обоснования.

Мы не располагаем сегодня научной дисциплиной, которая соответствовала бы практической философии как сфере деятельности. Но мы можем указать на риторике как на умение, которое в истории сохраняет неизменный характер своих целей, функций, а также структуры и даже некоторых элементов содержания. Не будет преувеличением сказать, что способность к убеждению себя и других является для человека сущностной. Она заключает в себе способности мыслить, использовать язык, концептуализировать свое место в мире, цель своего существования, признавать других и видеть задачи общества и многое другое, что в целом объемлет бытие человеком. Попытка убедить в чем-либо себя или другого не может быть объяснена без всего перечисленного, что делает риторическое умение местом наибольшей концентрации мысли в ее устремлении к другому в перспективе счастливой жизни.

Общее образование в его институциональной связи с практической философией сущностно предполагает и широкое разнообразие дисциплин, и междисциплинарность. Существующая дисциплинарная нарезка всегда подвижна и находится в зависимости от динамики диспозитивов и связанной с ними онтологии. Здесь метатропом демаркации, переноса и синтеза является практика доказывания и строгого научного обоснования. Там, где она применяется, можно констатировать самое меньшее однородность знания, что при изменении диспозитива делает возможным и отождествление предметов разных дисциплин. Но для общего образования важна установка относительно любого существующего набора дисциплин, отражающего выработанные знания и развитые искусства. Многообразие здесь не является хаотическим нагромождением чего-то, что нельзя охватить, ибо задачей образования является формирование способности осуществлять практическое философствование, т. е. помещать частную проблему в наиболее общий контекст и не просто уметь указать адекватные инструменты ее решения, но и видеть все возможные последствия такого решения или отказа от него в оптике тех озабоченностей и смыслов, которые образуют ценностно-нормативный компонент философского суждения. Здесь метатропом становится уже риторическое обоснование в его исторически неизменной структуре.

Дискурс риторики имеет универсальный характер, поскольку отражает само существо человеческого. Он проходит сквозь различия культур, образующих видимый, но уходящий на второй план старый порядок. Счастье как ключевой концепт вырабатывается каждый раз заново в столкновениях версий и в переходе от мыслей и образов к приемам, решениям, способам конструирования реальности, так что язык практической философии — это язык таких решений. Сегодня культурная децентрализация и эмансипация имеют уже большой масштаб, спрос на модели счастья и контекстуально зависимые решения значителен, и их осознанное приобретение извне в ходе переноса определяется совместимостью с локальной моделью организации жизни. Формы культуры внедряются и отвергаются как орудия: они вводятся как инновации и искореняются, когда устаревают. Для обслуживания такого рода операций практического философствования и применяется метатроп риторики, тогда как метатроп доказательства регулирует дифференциацию философии, науки и частного знания по их существу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли / пер. Е. Ф. Шичалиной. — М.: Греко-латинский кабинет Д. А. Шичалина, 2002.
2. Аристотель. Вторая аналитика / пер. Б. А. Фохта // Аристотель. Сочинения в 4 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1978. — С. 255–345.
3. Аристотель. Категории / пер. А. В. Кубицкого // Аристотель. Сочинения в 4 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1978. — С. 51–89.
4. Аристотель. О частях животных / пер. В. П. Карпова. — М.: Гос. изд. биологической и медицинской литературы, 1937.
5. Аристотель. Риторика / пер. Н. Платоновой // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. — М.: Изд-во МГУ, 1978.
6. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. — М.: РГГУ, 1995.
7. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика. — М.: УРСС, 2002. — С. 104–114.
8. Бурдые П. *Nomo academicus* / пер. под ред. Е. В. Кочетыговой и Н. В. Савельевой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
9. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. — 1986. — № 3. — С. 101–116.
10. Дмитриев И. С. Неизвестный Ньютон: силуэт на фоне эпохи. — СПб.: Алетейя, 1999.
11. Жмудь Л. Я. Экспериментирование в пифагорейской школе // Некоторые проблемы истории античной науки. — Л., 1989. — С. 36–46.
12. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. — СПб.: Издательство филологического факультета СПбГУ, 2000.
13. Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Логос. — 2017. — Т. 27. — № 1. — С. 135–162. — URL: <https://logosjournal.ru/articles/387346/> (дата обращения: 05.03.2023).
14. Латур Б. Наука в действии / пер. К. Федоровой. — СПб.: ЕУ СПб, 2013.
15. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. Н. А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 1998.
16. Мигунов А. И. К вопросу об онтологических основаниях логики // Логико-философские штудии. — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 257–279.
17. Панченко Д. В. Фалес: рождение философии и науки // Некоторые проблемы истории античной науки. — Л., 1989. — С. 16–36.
18. Панченко Д. В. Фалес, солнечные затмения и возникновение науки в Ионии в начале VI века до н. э. // *Nyphoboreus*. — 1996. — Vol. 2. — P. 47–124.
19. Сергеев К. А. Ренессансные основания антропоцентризма. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
20. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. — М., 1996.
21. Chrzanowska-Kluczevska E. Microtropes, macrotropes, metatropes // *AAA — Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. — 2004. — Vol. 29. — S. 65–80. — URL: <http://www.jstor.org/stable/43025720> (дата обращения: 05.03.2023).
22. Fuller S. The Military-Industrial Route to Interdisciplinarity // *The Oxford Handbook of Interdisciplinarity* / ed. by R. Frodeman, J. Th. Klein, R. C. S. Pacheco. Oxford University Press, 2017. — P. 53–67.
23. Garvin D. Making the case: Professional education for the world of practice // *Harvard Magazine*. — 2003. — Vol. 106. — P. 56–65. — URL: <https://caseresources.hsph.harvard.edu/>

publications/making-case-professional-education-world-practice?page=1 (дата обращения: 05.03.2023).

24. Heinimann F. Eine vorplatonische Theorie der Techne // *Sophistik* / hrsg. von C. J. Classen. — Darmstadt, 1976. — S. 127–169.

25. Keane J. *The Life and Death of Democracy*. — London, New York, 2009.

26. Kraus M. From Figure to Argument: Contrarium in Roman Rhetoric // *Pondering on problems of argumentation* / eds. F. Van Eemeren, B. Garssen. — 2009. — Vol. 14. — P. 117–132.

27. Krohn W. Interdisciplinary Cases and Disciplinary Knowledge: Epistemic Challenges of Interdisciplinary Research // *The Oxford Handbook of Interdisciplinarity* / ed. by R. Frodeman, J. Th. Klein, R. C. S. Pacheco. Oxford University Press, 2017. — P. 40–52.

28. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. — Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969.

29. Rosenwein B., Cristiani R. *What is the History of Emotion?* — Polity, 2018.

30. Sabherwal A., Ballew M. T., Linden van der S., et al. The Greta Thunberg effect: Familiarity with Greta Thunberg predicts intentions to engage in climate activism in the United States // *Journal of Applied Social Psychology*. — 2021. — № 51(4). — P. 321–333.

31. Stearns P. N., Stearns C. Z. *Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards* // *The American Historical Review*. — 1985. — Vol. 90. — № 4. — P. 813–836.

32. Turner S. Knowledge Formations: An Analytic Framework // *The Oxford Handbook of Interdisciplinarity* / ed. by R. Frodeman, J. Th. Klein, R. C. S. Pacheco. — Oxford University Press, 2017. — P. 9–20.

33. Wende van der M. The Emergence of Liberal Arts and Sciences Education in Europe: A Comparative Perspective // *Higher Education Policy*. — 2011. — Vol. 24. — P. 233–253.